

ЭВФЕМИЗМЫ, ДИСФЕМИЗМЫ, ОРТОФЕМИЗМЫ И ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ: ХОЛИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ПРОБЛЕМУ

А.С. Дружинин, Т.А. Фомина, О.Г. Поляков

Аннотация. Рассматривается актуальная проблема полит(не)корректности в ее лингвистических коррелятах – эвфемизмах, дисфемизмах и ортофемизмах, называемых общим термином «икс-фемизмы». Новизна исследования заключается в применении холистического подхода к икс-фемии, основанного на методологических принципах философии энактивизма и неоконструктивизма. Предпринята попытка установить, описать и объяснить взаимосвязь между икс-фемией как действием в языке и экспериенциальным контекстом, обуславливающим это действие. Выдвигается гипотеза о том, что икс-фемия обусловлена нелинейными реляционными взаимодействиями человека с окружающей средой в процессе познания им своих соматических особенностей. В основу методологии исследования положен принцип недуральности и холистического рассмотрения гносеологических проблем. Явления и особенности их функционирования объясняются путем реконструкции процессов их возникновения с экспериенциальным контекстом среды, в которой функционирует сам человек как экспериенсер. Доказательство гипотезы строится на результатах анализа и синтеза икс-фемии в конкретном экспериенциальном контексте, который оказывается доступным для наблюдения благодаря художественным кинофильмам. В качестве источника был выбран американский телесериал «Отчаянные домохозяйки», на основе которого исследуется ряд жизненных ситуаций, когда участники коммуникации демонстрировали нелинейное языковое поведение, создавая положительное отношение в дисфемистической референции и отрицательное – в эвфемистической. Организуя свой экспериенциальный поток посредством икс-фемизмов, человек меняет собственное отношение к тому или иному объекту внимания в зависимости от контекста взаимодействия. Подобно тому, как непредсказуемо может меняться экспериенциальный контекст, так же непредсказуемо может меняться и реляционный статус икс-фем, переключаясь с эвфемизма на дисфемизм и наоборот. Сделан вывод, что икс-фемия составляет часть познавательного опыта человека, конструируемого в непрерывном процессе рефлексивной и эмоционально-оценочной организации чувственного материала. Именно поэтому традиционный аналитический взгляд на проблему политкорректности как на выбор вежливых слов взамен оскорбительных не раскрывает роль икс-фемии в циркулярной экспериенциальной динамике, когда вежливые слова могут стать оскорбительными и наоборот.

Ключевые слова: эвфемизмы; дисфемизмы; ортофемизмы; энактивизм; реляционная область; реляционный феномен.

Введение

Предмет и актуальность исследования. Интеграционные процессы и кросс-культурная коммуникация приобретают все большую актуальность в современном мире. В эпоху глобальной ассимиляции, когда представители различных национальных, этнических, религиозных групп и сообществ вынуждены находить общий язык для гармоничного сосуществования друг с другом, фактор толерантности и взаимоуважения к чувствам и убеждениям другого играет огромную роль. Гарантировать подобные идеалы межкультурной и межличностной коммуникации была призвана политкорректность – социокультурный конструкт, регулирующий нормы вежливости в практике институционального общения. Согласно С.Г. Тер-Минасовой, политическая корректность языка выражается в «стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые <...> ущемляют человеческие права <...> языковой бестактностью и прямолинейностью...» [1. С. 216]. Интересно отметить, что в более радикальных формах политкорректность может иметь насаждающий характер языковой политики и проявляться в практических мерах целенаправленного воздействия на функциональную сторону языка [2].

Лингвистический анализ политкорректности, как правило, проводится в рамках так называемых фем – эвфемизмов, дисфемизмов и ортофемизмов. Этимологически слово «дисфемизм» образовано от отрицательной приставки *dys-* (*bad, abnormal, difficult*) и корня греческого происхождения *pheme* (*speech, voice, utterance, a speaking*). Первое упоминание дисфемизма в качестве термина регистрируется в 1927 г. Альбером Карнуа, который определил его как насмешливое, грубое издевательство, являющееся также реакцией на педантизм, претенциозность и схолицизм в языке [3]. Для сравнения, термин «эвфемизм» появился в научном обороте в 1793 г. (префикс *eu-* в значении «*good, well*»). Префикс *ortho-* же происходит от греческого *orthos* и означает «*straight, true, correct, regular*» [4]. Например, К. Аллан и К. Барридж определяют эвфемизмы как благозвучные и вежливые выражения, дисфемизмы – как выражения грубые и оскорбительные, ортофемизмы – как нейтральные обозначения; икс-фемия же выделяется ими как термин-гипероним, обобщающий все эти три явления [5. Р. 29].

Как известно, естественный процесс общения между людьми происходит в большинстве случаев не на бумаге, не в документах, регламентируемых нормами политкорректности, а в жизни, т.е. в реальном физическом контексте разговорного взаимодействия [6]. Данная статья ставит своей целью определить, насколько оправдывает себя словарный, лексикографический подход к икс-фемии, согласно которому те или иные слова в регулятивных, познавательных и воспи-

тательных целях официально маркируются как «нежелательные» или «более вежливые».

Проблема исследования, или Почему дисфемизмы и эвфемизмы – не просто слова. До настоящего времени эвфемия и дисфемия рассматривались преимущественно в функционально-семантическом аспекте. В рамках данного подхода дисфемизм определяется как противоположность эвфемизма и как инвектива, основанная на гиперболизации отрицательного признака или замене положительного оценочного знака на отрицательный [7. С. 236; 8. С. 96]. В соответствии с Оксфордским словарем английского языка, дисфемизмы представляют собой оскорбительные и неприятные термины, используемые вместо приятных или нейтральных; противоположны эвфемизмам [9]. Эвфемизм же понимается как антиинвектива, «подставное наименование» [10. С. 109], основанное на преуменьшении степени отрицательного признака или на переключении оценочного знака с отрицательного на положительный [7. С. 236] или нейтральный [11. С. 127].

Называя фемы семантическими единицами, приписывая им ту или иную ограничительную дефиницию или функцию [7. С. 236; 8. С. 96] и определяя конкретные эмоционально-коннотативные оттенки их значений [12] на материале отдельно взятых, изолированных выражений [10], лингвистическая наука и смежные с ней дисциплины сталкиваются с рядом проблем.

Во-первых, такой подход к икс-фемии заостряет внимание лишь на логико-семантической стороне языка. Как выразился П. Линелл, подобное создает предвзятое убеждение в том, что язык – это письменный текст с линейной организацией, а правила этой организации можно перечислить лексикографически в виде списка «плохих» и «хороших» слов. Анализ языка, тем самым, превращается в «гипостазизирующее» описание системы знаков, распределенных на бумаге и лишенных динамического контекста, из которого эти знаки рождаются (см., например: [13. Р. 6]). Но, как отмечал еще Л.С. Выготский, «при понимании чужой речи всегда оказывается недостаточным понимание только одних слов, но не мысли собеседника. Но и понимание мысли собеседника без понимания его мотива <...> есть неполное понимание» [14. С. 315].

Из первой следует вторая проблема: фокусируясь на языке как на продукте, а не как на процессе, мы игнорируем деятельностный, а точнее – экспериенциальный компонент познания, без которого реалистичное изучение слов, терминов и понятий невозможно. Еще в 1927 г. П. Бриджмэн в своей известной книге «Логика современной физики» утверждал, что с научных позиций истинное значение слова можно найти, только наблюдая за тем, «что человек делает, а не что он говорит» [15. Р. 7]. Как известно, наши действия – это синтез чувственного материала и умственных операций, который обязательно происходит в

том или ином контексте функционирования нашего тела [16. Р. 26]. Значение, тем самым, не является простой категорией ума, потому что человек – это телесное существо, которое не может думать, не чувствуя [17]; чувства – не побочный эффект разума, а, наоборот, его единственный материал [18]. Таким образом, изучать семантику слова – значит наблюдать за поведением экспериенцера в том или ином контексте физической среды.

Приведем пример того, как семантика слова и корпоральный опыт человека неразрывно связаны между собой. С логико-семантических позиций слово «холодный» характеризует то, что имеет низкую температуру. Однако в реальной жизни для нашего тела низкой может быть температура как в -10 , так и $+60$ градусов. Так, например, зайдя в финскую сауну, работающую лишь на треть от полной мощности, мы не сможем назвать эту сауну никак иначе, кроме как холодной. Напротив, выйдя из финской сауны на снежный двор почти без одежды, мы вряд ли почувствуем холод в истинном значении этого слова. Все это показывает, что мы не только неспособны определить объективную температуру воздуха в каждом конкретном случае, но и не можем полагаться на так называемые денотативные значения слов, эту температуру описывающих. Значение слова превращается в экспериенциальную категорию, имеющую смысл только относительно нашего тела в контекстуализованной среде.

Все это говорит о том, что рационалистический подход в лингвистике не способен объяснить особенности семантических структур, поскольку не рассматривает их как часть нашего тела, функционирующего в контексте своей среды. Именно поэтому цель данного исследования заключается в том, чтобы установить, описать и объяснить взаимосвязь между икс-фемией как действием в языке и экспериенциальным контекстом, обуславливающим это действие.

Методология

Гипотеза исследования: *икс-фемизмы как реляционный феномен.* Принцип познания в действии стал приоритетной методологической установкой для философии энактивизма – относительно нового направления конструктивизма в эпистемологии. Его основатели и последователи Ф. Варела, У. Матурана, Э. Томпсон, Э. Рош, А. Ноэ, Н. Луман, Э. фон Глазерсфельд, Х. фон Ферстер, Ф. Капра, Г. Бейтсон, А.В. Кравченко, идейные вдохновители А. Бергсон, У. Джеймс, Г. Файхингер, Я. фон Икскуль, М. Мерло-Понти убеждены в том, что *нам дано только одно – способ того, как можно взять*, а именно внимание и воля, определяющие структуру наших действий в окружающей среде. Познавательная особенность человека, отличающая его от других жи-

вых организмов, заключается в том, что объекты его внимания и восприятия могут не совпадать друг с другом, а взаимообуславливать свое возникновение. То, что попадает в фокус внимания в данный момент, может актуально не восприниматься, а лишь вспоминаться, репрезентироваться, самогенерироваться. Тем самым наше внимание может реконструировать свои объекты и регулировать то, как мы действуем по отношению к ним. То, как мы действуем, регулирует, в свою очередь, направление нашего внимания и определяет появление (а точнее, конструирование) его объектов в том или ином ракурсе, в том или ином отношении к нам. Такую нелинейную операциональную связь между восприятием и действием Ф. Варела и его соавторы называют циркулярной самореференцией [19], а Э. Морен – *эн-цикло-педичностью* (букв. «замкнутость в цикле обучения») [20. С. 41]. В этой циклообразной динамике человек конструирует опыт в непрерывном соотношении объектов восприятия с объектами, которые уже не находятся в перцептуальном поле, генерируя новые отношения и новые смыслы. Такая (само)референция возможна только в языке и с помощью языка.

Одним из ключевых факторов референциальных процессов являются отношения субъекта (relations). В каждый момент жизненной активности человеческий организм находится под воздействием собственных меняющихся интересов и желаний (interests and desires, по У. Джеймсу), наделяющих все его действия определенными целями, т.е. смыслами. Стремление к удовлетворению потребностей и достижению желаемого результата Ж. Пиаже назвал когнитивным эквilibрированием [21], своеобразной борьбой организма против раздражителей и пертурбаций за восстановление внутреннего экспериенциального баланса. Эта борьба – единственный организующий фактор, превращающий мир, как выразился У. Джеймс, в ту или иную конкретную часть вселенной, которую мы посредством нашего внимания выбираем для себя в качестве среды обитания [22. Р. 401].

Все отношения, таким образом, есть аттенциональные процессы, направляющие нашу познавательную деятельность, заставляющие нас взаимодействовать только с теми перцептуальными объектами, которые так или иначе соотносимы с нашими желаниями и интересами. Поскольку структура всех наших взаимодействий референциальная, т.е. лингвистическая, язык можно назвать реляционной областью [23], существуя в которой, мы конструируем опыт, а значит, формируем и меняем наши ценности в соответствии с уровнем удовлетворенности результатами своих действий.

«Язык коннотативен, – утверждает Х. фон Ферстер. – Когда я произношу высказывание, я не делаю отсылку к объектам внешней реальности, я генерирую что-то в моем слушателе, я создаю резонанс семантических коррелятов, подобно тому, как флейтист создает музыку

благодаря касанию флейты и взаимодействию со своим слушателем. Когда я говорю “стол”, мой слушатель не начинает думать о столе как о предмете. Он начинает думать о столе как о моем отношении, о моем положении в той семантической сетке наших с ним взаимных действий, которое определит мой и его будущий шаг. Он ждет, что я сделаю дальше, как я поступлю не со столом, а с понятием стола в своих высказываниях» [24. Р. 133] (перевод наш. – А.Д., Т.Ф., О.П.). Это значит, что нет негативных или позитивных объектов независимой реальности, нет плохих и хороших вещей или процессов мира, есть только отношения, создаваемые человеком при взаимодействии с этим миром.

Предположим, что икс-фемия является реляционным феноменом, обусловленным нашими взаимодействиями с тем или иным элементом опыта (как правило, опыта познания физиологических параметров собственного тела) в ракурсе меняющихся интересов и желаний. Этот феномен тем самым имеет сугубо экспериенциальную природу, а значит, любые попытки определить и объяснить его с истинно научных позиций должны основываться на анализе так называемого экспериенциального контекста, т.е. определенных условий и обстоятельств, при которых мы начинаем фокусировать свое внимание на том или ином объекте в том или ином реляционном ракурсе (с тем или иным отношением к этому объекту).

Методы и данные исследования: наблюдение за языковым поведением в киноконтексте. Методологической основой данного исследования послужит принцип недUALности и холистического рассмотрения гносеологических проблем. Холизм – это интегрированный, двойной взгляд [25, 26] на явление во взаимосвязи обуславливающих его возникновение частей и целого, подразумевающий как *локальное*, аналитическое рассмотрение явления (изоляцию, абстрагирование этого явления из общей экспериенциальной динамики), так и *глобальное*, синтетическое (соединение результатов этой рефлексивной изоляции с закономерностями общей экспериенциальной динамики, своеобразное тестирование выводов анализа в реальной жизни). Таким образом, задачами научного исследования становится *объяснение* явления и особенностей его функционирования путем *реконструкции* процессов его со-возникновения [27. С. 5] с экспериенциальным контекстом среды, в которой функционирует сам человек как экспериенцер.

Чтобы выполнить поставленную задачу, мы должны выбрать такой материал для исследования, который позволит *наблюдать* динамику человека в языке. Вслед за Л.С. Выготским, одним из авторов экспериментальной методологии в исследовании языка, мы считаем, что метод определения и вербализации, а точнее метод изучения текстов, «страдает существенными недостатками» [14. С. 103], которые были указаны выше. Методологической альтернативой в данном случае мо-

жет послужить изучение «компьютеризированной визуализации языковой динамики» [13. Р. 220], и такая визуализация возможна в кинофильмах, а точнее в игровых картинах.

Есть несколько причин, почему фильмы обеспечивают валидные данные для лингвистического исследования. Во-первых, в кино мы можем наблюдать нелинейную динамику когнитивно-перцептуальных взаимодействий, так, как они происходят в сознании человека. Иными словами, мы можем увидеть и услышать практически все (релевантное для развития сюжета), что происходит *с человеком* и *в человеке* в непрерывном потоке его взаимодействий с миром: его поведение и принятие решений, а также чувства, эмоции и перцептуальные процессы.

Таким образом, жизнь человека предстает перед нами в двух пересекающихся областях экспериенциальной динамики – внутренней, психической, и внешней, социальной. К тому же режиссер фильма с помощью различных приемов монтажа может нарушать линейность повествования, показывая события, которые не всегда хронологически последовательны в рамках общего сюжета. Таким образом режиссер преследует цель создать динамическую картину переживаний героя, что и как он воспринимает и думает. Именно эта особенность определяет еще одно преимущество кино перед письменными текстами: в нем мы можем наблюдать те психологические процессы, которые не можем наблюдать даже в научной лаборатории. Мышление, направление внимания, а также чувственное восприятие окружающего мира на слух, на вид и даже в определенной музыкально-ритмической организации становятся визуально открытыми. Более того, любая киноистория всегда содержит данные о предыдущих и последующих действиях героя, которые объясняют его поведение в точке «здесь и сейчас». Иными словами, слово и то отношение, которое возникает у субъекта (героя) к объекту своей рефлексии, совершаемой в этом слове, можно услышать и увидеть, а значит, объяснить более ясно и развернуто на основе общего сюжета.

Методологическую процедуру холистического исследования иксфемии изложим в вопросно-ответной форме:

1) где и когда происходит явление? (каковы обстоятельства и условия, заставляющие субъекта фокусировать свое внимание на том или ином элементе своего познавательного опыта и формировать к нему отношение?);

2) почему происходит явление? (какие эмоциональные пертурбации субъект стремится устранить посредством того или иного отношения?);

3) как происходит явление? (в каком реляционном ракурсе субъект рефлексировал над тем или иным опытом?).

Хотелось бы подчеркнуть, что мы воздержимся от термина «кинодискурс» и тем более «кинотекст» в нашем исследовании. Мы считаем, что, несмотря на весь когнитивно-динамический потенциал понятия «дис-

курс», превалирующим методом исследования в большинстве научных работ все же остается анализ письменных или стенографированных текстов, оторванных от реальной коммуникативной динамики. Только рассматривая кино как определенный жизненный сюжет в совокупности всех экспериенциальных факторов, определяющих функционирование той или иной семантической структуры в познавательном опыте человека, мы сможем добиться холистического изучения лингвистической проблемы. Исходя из этого, единственным приемлемым обозначением предмета наблюдения в рамках данного исследования мы считаем термин «киноконтекст».

Источником данных для исследования послужил культовый американский сериал «Отчаянные домохозяйки» (2004–2012 гг.), созданный в жанре трагикомедии. Данные, отобранные на основе анализа этого телесериала, мы считаем репрезентативными, поскольку сюжетные линии, раскрываемые в фильме, охватывают широкий спектр реляционных взаимодействий и экспериенциальных ситуаций (взаимоотношения в семье, между друзьями, соседями, в преступной среде, в политической, медицинской, деловой и других сферах). Фактор жанровой характеристики подчеркивает то, что все эти ситуации происходят или гипотетически могут произойти в реальной жизни. К тому же популярность телесериала во всем мире (по официальным данным, аудитория сериала составляет более 120 млн телезрителей) обосновывает актуальность вымышленных историй, положенных в основу сюжета, для современного зрителя вне зависимости от национальной принадлежности.

Исследование и результаты

Нетрудно заметить, что к употреблению политкорректных выражений говорящий чаще всего прибегает именно тогда, когда тема разговора касается различных функциональных особенностей или физических возможностей человеческого тела. Особенно остро встает вопрос об эвфемистических заменах при описании нарушений здоровья. В «идеальной» модели коммуникации называть кого-то слепым или инвалидом крайне невежливо. В реальной же жизни может оказаться так, что референция «слепой» станет оценочно положительной.

Проанализируем пример диалогического взаимодействия между двумя незнакомыми людьми на парковочной стоянке у входа в супермаркет, обозначенной знаком «парковка для инвалидов» (голубая коляска на белом фоне). Женщина-водитель (Габриэль) оставила свою машину на одном из парковочных мест, предназначенных для инвалидов, и направляется в супермаркет, однако к ней подъезжает мужчина на инвалидной коляске и вступает с ней в разговор:

Man in a wheelchair: Excuse me, miss.

Gabriel: Oh, hey there.

Man in a wheelchair: I guess you didn't see *that big blue sign*.

Gabriel: What? I have a thingy.

Man in a wheelchair: Yeah, I noticed that. You don't look *handicapped* to me.

Gabriel: I'm not. My husband is. He is *blind*.

Man in a wheelchair: Only he can park here.

Gabriel: And how is he gonna park a car if he *can't see*? [28. S. 4. Ep. 12].

Очевидно, что ситуативные параметры контекста – парковочная стоянка для инвалидов – делают перцептуально выделенным и релевантно значимым для участников диалога признак физических ограничений человеческого тела. Примечательно, однако, что отношения участников к предмету разговора возникают и даже меняются в процессе самого разговора нелинейным образом, и это объясняют определенные экспериенциальные факторы.

Так, инвалид-колясочник был вынужден припарковать свой автомобиль на общей стоянке далеко от входа в торговый центр, потому что свободных мест на парковке для инвалидов не осталось. Увидев, что одно из мест было занято женщиной-водителем, которая не выглядит как инвалид, он решил указать ей на ее ошибку, намекнув на то, что она, возможно, не видела большого голубого знака. Выражение *blue sign* с дейксисом *that* в данном случае является косвенной номинацией того, что официально называется *handicap parking sign*. Стоит отметить, что в Кембриджском словаре английского языка выражение *handicapped* маркируется стилистической пометой «offensive», т.е. является дисфемизмом [29].

Выбор в пользу выражения *that blue sign*, возможно, объясняется стремлением говорящего, инвалида-колясочника, уклониться от референции к инвалидности, чтобы не привлекать лишнего внимания к своему физическому состоянию, а сосредоточить внимание водителя на правилах парковки у торгового центра. Исходя из этого, говорящий проявляет *нейтральное* отношение к предмету разговора в референции *that big blue sign*. Тем не менее, не добившись желаемого результата (уладить недоразумение и восстановить справедливость), мужчина принимает решение установить символические границы между собой и собеседницей (*you do not look handicapped [unlike me]*), заявляя об отсутствии у той права на парковку на месте для инвалидов. Референция *handicapped* оценивается положительно в релевантной области говорящего, поскольку позволяет ему добиваться льготы, которой его лишили. Похожим образом действует Габриэль: она не чувствует себя нарушителем, поскольку полагает, что имеет законные основания на такую же льготу. Ее муж – слепой, поэтому его инвалидность является ее преимуществом в этом конкретном случае. События, предшествующие эпизоду на парковке, позволяют определить экспериенциальный

контекст еще более развернуто: после того как супруг Габриэль лишился зрения и потерял высокооплачиваемую работу, ее жизнь превратилась в невыносимый труд домохозяйки, ухаживающей за больным мужем. Это стало тяжелым ударом для Габриэль, учитывая, что она еще недавно была фотомodelью, а ее муж преуспевающим бизнесменом. Таким образом, здесь и сейчас на парковке возле торгового центра Габриэль уверенно борется за свое право на те немногие социальные льготы, которые у нее остались, чтобы каким-то образом компенсировать несправедливость судьбы в свой адрес.

Анализ языкового поведения коммуникантов позволяет выявить различия между традиционным определением икс-фемизмов и их реальной семантикой в экспериенциальном контексте и сделать вывод о нелинейной природе явления икс-фемии. Выражения *blind* и *handicapped* дисфемистичны и имеют эвфемистические замены – *visually impaired* и *physically challenged* соответственно. В рамках данной речевой ситуации эвфемистические выражения будут неуместными, поскольку в них и посредством их¹ говорящие не смогли бы создать положительную оценку собственного опыта инвалидности и обратить это в свою пользу. Традиционные эвфемизмы, напротив, помешали бы участникам диалога осуществить свои прагматические цели: сказав, например, *my husband is visually impaired*, Габриэль показала бы заботу о диагнозе мужа, но не о себе, не о парковочном месте и даже не о самом муже, в интересах которого она хочет успеть быстрее совершить покупки в торговом центре. Такая линия поведения была бы совершенно неоправданной в данной экспериенциальной ситуации. Габриэль не волнуют деликатные детали инвалидности мужа, она называет его слепым напрямую и при этом не оскорбляет супруга или других незрячих людей в его лице, а наоборот, делает его в некотором смысле привилегированным.

Инвалидность, таким образом, превращается в достоинство, а значит, дисфемизмы *blind*, *handicapped* не звучат грубо и бестактно, а ортофемизм *a person who cannot see* вовсе не нейтрален – все эти выражения по сути эвфемистичны, потому что они выводят на первый план заботу о чувствах, правах и интересах самих инвалидов.

Еще одним предметом политкорректных описаний, широко обсуждаемым в последнее время, является половая и гендерная принад-

¹ Выбирая такую формулировку, которая, на первый взгляд, нарушает нормы сочетаемости русского языка, мы преследуем цель максимально точно приблизить интерпретацию языка и языковых явлений к энктивистской, согласно которой язык – это среда и средство. Формулировка «использовать язык», на наш взгляд, не в полной мере отражает экспериенциальную сущность языка как области референций человека. Точнее будет сказать «действовать в языке и посредством его» (ср. англ. *in and through language*), т.е. человек не просто употребляет то или иное слово, а создает какое-либо отношение и конструирует опыт в рамках и посредством этого слова.

лежность человека. Как правило, несовпадение биологического пола человека с социальным (гендером) не должно служить поводом для оскорбления или неуважительного отношения. В современном обществе люди стараются не вешать гендерные ярлыки друг на друга, маскируя свое отношение к теме полового и гендерного неравенства различными эвфемизмами. Рассмотрим ситуацию, в которой супружеская пара (Майк и Сюзан) обсуждает вопрос сексуальной ориентации Кэтрин, бывшей возлюбленной Майка. Новость о том, что Кэтрин сменила сексуальную ориентацию, становится для Майка триггером неоднозначных реляционных взаимодействий со своим «Я» – «Я» как мужчина и «Я» как сексуальный партнер:

Mike: How could she go from being with me to being with women?

Susan: Oh, Mike, she was probably leaning that way already. She was lucky to have you. You were a nice transition.

Mike: What?

Susan: Well, you know, uh, I... I mean, when you make love, you are so *gentle* and you like to cuddle and...

Mike: So what are you saying? That I make love *like a woman*?

Susan: No, no. I'm saying... That you are a *well-balanced man* who is in touch with his feminine side [28. S. 6. Ep. 17].

Необходимо отметить, что Майк практически никогда не сталкивался с такими ситуациями, когда его мужественность и традиционно мужские привычки в повседневной жизни можно было бы поставить под вопрос. Он работает сантехником, а это профессия во всех отношениях считается мужской. Он увлекается американским футболом и любит смотреть матчи в мужских компаниях. Он завсегдатай спортивных баров и время от времени позволяет себе выпить пива с друзьями-мужчинами. Он не позволяет своей жене нести ответственность за финансовое обеспечение семьи и полагает, что это его мужской долг выплачивать кредит за ипотеку и добывать хлеб, чтобы прокормить жену и сына. Более того, как мы узнаем из последующего развития событий, Майк пытается следовать идеалу настоящего мужчины, которого ему не хватало в детстве из-за того, что его отец вел себя не как мужчина и не обеспечивал семью. Именно поэтому Майк привык считать себя стереотипным мужчиной во всех смыслах и крайне удивлен тем, что его бывшая возлюбленная сменила сексуальную ориентацию. Он воспринимает эту перемену как некоторую угрозу стабильности собственной гендерной идентичности, давно сформировавшейся в его концептуальной системе. Выбор Кэтрин заставляет Майка переосмыслить свое поведение как мужчины и как сексуального партнера, что, безусловно, вызывает у него тревожные чувства неопределенности. Исходя из этого, любые попытки жены перефокусировать его внимание с сомнений в собственной маскулинности на ту или иную положительную особен-

ность его поведения в постели Майк воспринимает крайне негативно, как будто его называют женщиной (*like a woman*).

Желая с помощью различных эвфемизмов доказать супругу, что нежность в обращении и мягкость характера (*gentle*) не умаляют его маскулинности, а делают его разнообразным и интересным мужчиной (*well-balanced man*), Сюзан только усугубляет ситуацию и еще глубже задевает чувства своего супруга. Референция к мягкости, нежности и сбалансированности становится для него равнозначной номинации «слабый, женоподобный» (*like a woman*).

Приведем еще один пример функционирования икс-фемизмов в экспериенциальном контексте, демонстрирующий нелинейную природу явления икс-фемии. Известно, что тема красоты считается деликатной, особенно в разговоре с женщиной. Как правило, чтобы не фокусировать внимание на каких-либо физических недостатках, лучше избегать их прямой номинации и делать выбор в пользу нейтральных выражений. Однако когда вопрос внешнего вида становится предметом обсуждения двух женщин, использование классических эвфемизмов и ортофемизмов может произвести неожиданный эффект. Рассмотрим ситуацию, в которой две соседки (Рене и Габриэль) пытаются лучше узнать друг друга, решив поделиться секретами и пикантными подробностями своей личной жизни (*give some dirt on each other*) в надежде на то, что между ними завяжется настоящая дружба.

Рене – бывшая жена известного американского футболиста, которая раньше вела гламурный образ жизни в Нью-Йорке. После развода переехала в пригород, чтобы определиться со своим будущим. Ее собеседница Габриэль – бывшая фотомодель, отказавшаяся от карьеры в пользу спокойной семейной жизни. По всей видимости, имея за плечами большой опыт общения с подругами, прибегавшими к услугам пластического хирурга (что не является редкостью для такого мегаполиса, как Нью-Йорк), Рене сразу же увидела последствия коррекции формы носа у Габи и намекнула об этом:

Renee: I don't know you well enough. You've got to give me some dirt on you.

Gabi: I can't think of anything.

Renee: Really? Nothing like, say, *plastic surgery*?

Gabi: What? Honey, a *scalpel* has never touched this body.

Renee: Maybe not the body, but that nose is a Dr Brotski. I'd know his work anywhere.

Gabi: How dare you! I am insulted! Okay, fine. I was 19. It was just a little *bump*.

Renee: That's what they all say. Did you have a *deviated septum*, too?

Gabi: Don't tell anyone [28. S. 7. Ep. 5].

Габриэль как бывшая фотомодель считалась в пригороде одной из самых привлекательных женщин, и, конечно, никто не мог предположить, что ее красота может быть неестественна. Кроме того, жительницы предместья, занятые по большей части домашними делами, не были столь разборчивы в вопросах медицинской коррекции фигуры. Именно поэтому в интересах Габриэль было умолчать о деликатных подробностях своей ринопластики. Ортофемизм *plastic surgery*, относящийся к специальной лексике и, казалось бы, нейтральный во всех отношениях термин, оказывается для нее оскорбительным в данной коммуникативной ситуации. Она воспринимает слова Рене как оскорбление, поскольку в них чувствует угрозу потерять привилегированный статус среди своих подруг, который она приобрела благодаря «природной» красоте. В ответ Габриэль отрицает факт пластической хирургии, маскируя термин выражением «когда скальпель касается тела». Действуя подобным образом, Габриэль защищает себя и свой статус первой красавицы посредством эвфемистической замены термина «пластическая хирургия».

Следует отметить, что функция данного эвфемизма нетипична. Как правило, эвфемизм служит для смягчения потенциально грубого эффекта. Однако в рассматриваемой ситуации эвфемизм является своеобразным психологическим средством защиты и самоуспокоения. Габриэль пытается справиться со своими эмоциональными пертурбациями, нарушающими стабильность концептуальной структуры «Я как женщина», и дефокусирует внимание с коммуникативно значимого элемента обобщенного опыта (*plastic surgery*) на более конкретное действие (касание скальпелем тела), имеющее отдаленное отношение к предмету разговора. Таким образом, эвфемистический смысл возникает как состояние растерянности Габриэль и не имеет ничего общего со стремлением быть вежливым или политкорректным.

Однако защитить себя Габриэль не удается: Рене апеллирует к конкретным фактам и даже называет имя пластического хирурга, который оперировал Габриэль. Кроме этого, она просит Габриэль не ссылаться на искривленную перегородку носа (*deviated septum*) – диагноз, считающийся медицинским показанием к ринопластике и нередко используемый многими женщинами в качестве удобного объяснения того, почему они воспользовались услугами пластического хирурга.

Таким образом, функциональные признаки и возможности человеческого тела зависят не только от физической, но также от социальной и культурной среды, в которой человек существует и с которой взаимодействует. То, как люди вокруг называют или привыкли называть те или иные соматические недостатки, влияет на то, как сам человек воспринимает те или иные несовершенства своего тела. То же самое относится и к восприятию человеком своей половой принадлежно-

сти. При этом нужно помнить, что любой акт называния – это еще одно эмпирическое взаимодействие со средой, в котором создается новое отношение, переживаются чувства и эмоции в момент «здесь и сейчас». Икс-фемия, тем самым, есть не просто статическая единица языковой системы, а когнитивно-динамическое явление, обусловленное циркулярной взаимосвязью между человеком и средой.

Заключение

Представленный в статье подход позволяет взглянуть на явление икс-фемии как на реляционный феномен, являющийся частью экспериенциальной динамики человека. Дисфемизмы и эвфемизмы рассматриваются холистически, исходя из того, что они составляют неотъемлемую часть общего познавательного опыта человека, рефлексивно конструируемого из конкретного чувственного материала в эмоционально-волевой тональности. Это не просто застывшая семантическая структура, имеющая положительное или отрицательное значение, это действие в языке, совершаемое телом человека (ср. *embodied behaviors*), которое, как известно, всегда что-то чувствует и переживает нелинейным образом.

Организуя свой экспериенциальный поток посредством икс-фемизмов, человек меняет собственное отношение к тому или иному объекту внимания в зависимости от контекста, в котором действует сам человек. Подобно тому, как непредсказуемо может меняться экспериенциальный контекст, так же непредсказуемо может меняться и семантический (а точнее, реляционный) статус икс-фем, переключаясь с эвфемизма на дисфемизм и наоборот. Ввиду разнообразия мнений и отношений, практически невозможно обнаружить единство суждений даже среди участников коммуникации со схожим опытом. Не существует таких понятий, как «ортофемизм-для-всех», «эвфемизм-для-всех» или «дисфемизм-для-всех», т.е. универсалий ортофемизмов, эвфемизмов и дисфемизмов [30].

Гипотеза о том, что икс-фемия является нелинейным реляционным взаимодействием человека со своей средой в процессе познания им собственных соматических особенностей, доказывается путем анализа наблюдаемых параметров экспериенциального контекста. Исследование коммуникативных ситуаций, в которых говорящие выстраивали то или иное отношение к теме инвалидности и гендерного поведения в рамках и посредством икс-фемизмов, проводилось на материале телесериала «Отчаянные домохозяйки». Результаты свидетельствуют о том, что даже самые неполиткорректные выражения могут становиться политкорректными, а эвфемистические замены – превращаться в обидные и оскорбительные слова.

Традиционный взгляд на эвфемизмы и дисфемизмы как на семантические средства или способы смещения коннотативных акцентов не в

полной мере соответствует реалиям человеческой коммуникации. Человек не смещает коннотативные акценты благодаря икс-фемизмам, человек живет в этих акцентах, регулируя непрерывный поток меняющихся интересов и желаний благодаря икс-фемизмам. Человек не пользуется языком как средством, подобно компьютеру. Человек *живет в языке*: он действует в языке, чувствует в языке и мыслит в языке. Именно поэтому не стоит рассматривать природу икс-фемии рационалистически и линейно. Природа этого явления, скорее, экспериенциальна, т.е. обусловлена чем-то, что *происходит в человеке и с человеком в его языковом поведении*. В таком подходе к языку и его явлениям заключаются новизна и методологический потенциал холистического принципа научного познания.

Литература

1. **Тер-Минасова С.Г.** Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 264 с.
2. **Гришаева Е.Б.** Язык как инструмент реализации политической власти и как объект воздействия политики // Язык и культура. 2018. № 41. С. 55–71.
3. **Carnoy A.** La science du mot: traité de sémantique. Louvain: Universitas, 1927. 426 p.
4. **Online** Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 22.11.2019).
5. **Allan K., Burridge K.** Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 303 p.
6. **Вербицкий А.А., Калашиников В.Г.** Категория «контекст» в психологии и педагогике. М.: Университетская книга, 2010. 300 с.
7. **Шейгал Е.И.** Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
8. **Жеребило Т.В.** Словарь лингвистических терминов. 5-е изд. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
9. **Oxford** English Dictionary Online. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 22.11.2019).
10. **Ларин Б.А.** История русского языка и общее языкознание : избранные работы. М.: Просвещение, 1977. 224 с.
11. **Алексикова Ю.В.** Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3. С. 126–132.
12. **Кацев А.М.** Эвфемизмы в современном английском языке: опыт социолингвистического описания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977. 22 с.
13. **Linell P.** The Written Language Bias in Linguistics: Its nature, origins and transformations. London : Routledge, 2005. 256 p.
14. **Выготский Л.С.** Мышление и речь. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 324 с.
15. **Bridgman P.W.** The Logic of Modern Physics. N.Y. : Macmillan, 1927. 246 p.
16. **Von Glasersfeld E.** Radical Constructivism: A way of knowing and learning. Bristol : Falmer Press, 1995. 213 p.
17. **James W.** Pragmatism. A new way for some old ways of thinking. URL: https://www.gutenberg.org/files/5116/5116-h/5116-h.htm#link2H_PREF (дата обращения: 05.01.2020).
18. **Vico G-B.** De antiquissima Italorum sapientia (Latin original and Italian translation by Pomodoro, 1858). Naples: Stamperia de'Classici Latini. URL: https://archive.org/stream/philosophyofgiam00cro/philosophyofgiam00cro_djvu.txt (дата обращения: 05.01.2020).

19. *Varela F.J., Thompson E., Rosh E.* The Embodied Mind: Cognitive science and human experience. Cambridge, MA : MIT Press, 1991. 308 p.
20. *Морен Э.* Метод. Природа природы. М. : Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
21. *Piaget J.* La construction du réel chez l'enfant. Neuchâtel: Delachaux et Niestlé, 1937. 345 p.
22. *James W.* Principles of Psychology. N.Y. : Henry Holt and Co., 1890. Vol. 1. 716 p.
23. *Kravchenko A.* Language as human ecology: why Cartesian linguistics has not become part of life sciences, paper presented at the 4th International Conference on Ecolinguistics, 12–15 August 2019, Odense. Odense, 2019.
24. *Segal L.* The Dream of Reality: Heinz von Foerster's constructivism. N.Y. : Springer, 2001. 163 p.
25. *Maturana H.* Self-consciousness: How? When? Where? // Constructivist Foundations. 2006. Vol. 1 (3). P. 91–102.
26. *Maturana H., Verden-Zöller G.* The Origin of Humanness in the Biology of Love. London : Andrews, 2008. 252 p.
27. *Князева Е.Н.* Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 352 с.
28. *Desperate Housewives.* URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (дата обращения: 25.11.2019).
29. *Cambridge Dictionary.* URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 22.11.2019).
30. *Фомина Т.А.* Икс-фемия, или О трудностях разграничения эвфемии и дисфемии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 17 (1) (в печати).

Сведения об авторах:

Дружинин Андрей Сергеевич – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 3, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (Москва, Россия). E-mail: andrey.druzhinin.89@mail.ru

Фомина Татьяна Анатольевна – соискатель, преподаватель кафедры английского языка № 1, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (Москва, Россия). E-mail: wesna85@bk.ru

Поляков Олег Геннадиевич – профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой лингвистики и гуманитарно-педагогического образования педагогического института, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия). E-mail: olegpo@rambler.ru

Поступила в редакцию 26 марта 2020 г.

EUPHEMISMS, DYSPEMISMS, ORTHOPHEMISMS AND EXPERIENTIAL CONTEXT: A HOLISTIC VIEW ON THE LINGUISTIC PROBLEM

Druzhinin A.S., Ph.D., Associate Professor at Department of English Language № 3, MGIMO University (Moscow, Russia). E-mail: andrey.druzhinin.89@mail.ru

Fomina T.A., Postgraduate Student, Lecturer at Department of English Language № 1, MGIMO University (Moscow, Russia). E-mail: wesna85@bk.ru

Polyakov O.G., D.Sc. (Education), Professor, Head of Linguistics and Humanities Teacher Training, G.R. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia). E-mail: olegpo@rambler.ru

DOI: 10.17223/19996195/50/3

Abstract. The article is devoted to the problem of political (in)correctness in its linguistic correlates, namely euphemisms, dysphemisms and orthophemisms (named by the umbrella

term “x-phemisms”). The authors aim to illuminate the experiential nature of x-phemisms as a particular pattern of situated bodily behavior. The novelty value of the research is the adoption of holistic approach to the phenomenon under investigation based on the methodology of enactivism and neo-constructivism. An attempt is made at establishing, describing and explaining the relationship between x-phemisms as action in language and the experiential context that stipulates this action. It is hypothesized that x-phemisms are conditioned by nonlinear relational interactions between one and one’s medium as a way of knowing and learning one’s somatic properties. The principle of non-duality and holistic consideration of epistemological problems underlies the methodology of the research. Phenomena and the specificity of their functioning are explained through reconstructing the processes of their co-emergence along the experiential context of the environment in which a person functions as an experienter. The hypothesis is proved by the results of the analysis and synthesis of x-phemisms in different experiential contexts made observable in feature films. The American TV show *Desperate Housewives* served as a source of data for the investigation. The paper analyzes a number of situational contexts in which communicators behaved in a nonlinear way in / through language to construct a positive relation through dysphemistic reference and a negative one through euphemisms. In an effort to effectively organize the experiential flow through x-phemisms, a subject changes his / her attitude towards the object of attention based upon the context in which the subject’s doings occur. As the experiential context takes surprise relational turns, the semantic (or rather, relational) status of x-phemisms switches from eu- to dysphemisms, and vice versa. The authors conclude that x-phemisms are part of human cognitive experience constructed in the uninterrupted flow of reflective and emotionally valued ordering of raw sensory material. It is the reason why a traditional view of political correctness as a choice of more polite words above offensive ones does not illuminate the role of x-phemisms in the circular experiential dynamics when polite words may turn offensive and vice versa.

Keywords: euphemisms; dysphemisms; orthophemisms; enactivism; relational domain; relational phenomenon.

References

1. Ter-Minasova S.G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. Moskva: Slovo. 264 p.
2. Grishayeva E.B. (2018) *Yazyk kak instrument realizatsii politicheskoy vlasti i kak ob'yekt vozdeystviya politiki* [Language as political power and object of policy impact] // *Yazyk i kul'tura*, No. 41, pp. 55–71.
3. Carnoy A. (1927) *La science du mot: traité de sémantique*. Louvain: Universitas. 426 p.
4. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed date: 22.11.2019).
5. Allan K., Burridge K. (2006) *Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 303 p.
6. Verbitskiy, A.A., & V.G. Kalashnikov (2010) *The Category of Context in Psychology and Pedagogy*. Moskva: Universitetskaya kniga. 300 p.
7. Shejgal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]: PhD thesis. Volgograd, 431 p.
8. Zherebilo T.V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 5th ed. Nazran': Pilgrim, 486 p.
9. Oxford English Dictionary Online. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (accessed date: 22.11.2019).
10. Larin B.A. (1977) *Istoriya russkogo yazyka i obshcheye yazykoznaniye* [The History of Russian and General Linguistics]. Moskva: Prosveshcheniye, 224 p.
11. Aleksikova Y.V. (2010) *Kognitivnyye osnovy formirovaniya evfemizmov v sovremen-nom angliyskom yazyke* [Cognitive foundations of euphemisms formation in contemporary English] // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, No. 3, pp. 126-132.

12. Katsev A.M. (1977) *Evfemizmy v sovremennom angliyskom yazyke: opyt sotsiolingvisticheskogo opisaniya* [Euphemisms in Contemporary English: Experience of sociolinguistic description]: PhD thesis. St. Petersburg, 22 p.
13. Linell P. (2005) *The Written Language Bias in Linguistics: Its nature, origins and transformations*. London: Routledge, 256 p.
14. Vygotskiy L.S. (1934) *Myshleniye i rech'* [Thought and Language]. Moskva: Gos. sots.-ekonom. izd-vo, 324 p.
15. Bridgman P.W. (1927) *The Logic of Modern Physics*. New York: Macmillan, 246 p.
16. Von Glasersfeld, E. (1995) *Radical Constructivism: A way of knowing and learning*. Bristol: Falmer Press, 213 p.
17. James W. *Pragmatism. A new way for some old ways of thinking*. URL: https://www.gutenberg.org/files/5116/5116-h/5116-h.htm#link2H_PREF (accessed date: 05.01.2020).
18. Vico G-B. *De antiquissima Italorum sapientia* (Latin original and Italian translation by Pomodoro, 1858). Naples: Stamperia de'Classici Latini. URL: https://archive.org/stream/philosophyofgiam00cro/philosophyofgiam00cro_djvu.txt (accessed date: 05.01.2020).
19. Varela F.J., Thompson E., Rosh E. (1991) *The Embodied Mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA: MIT Press, 308 p.
20. Morin E. (2005) *Metod. Priroda prirody*: Transl. from the French: *La Méthode. La Nature de la nature*. Moskva: Progress-Traditsiya. 464 p.
21. Piaget J. (1937) *La construction du réel chez l'enfant*. Neuchâtel: Delachaux et Niestlé, 345 p.
22. James W. (1890) *Principles of Psychology*. Vol. 1. NY: Henry Holt and Co., 716 p.
23. Kravchenko A. (2019) *Language as human ecology: why Cartesian linguistics has not become part of life sciences*, paper presented at the 4th International Conference on Eco-linguistics, 12-15 August 2019, Odense.
24. Segal L. (2001) *The Dream of Reality: Heinz von Foerster's constructivism*. New York: Springer, 163 p.
25. Maturana H. (2006) *Self-consciousness: How? When? Where?* // *Constructivist Foundations*, vol. 1 (3), pp. 91–102.
26. Maturana H., Verden-Zöller G. (2008) *The Origin of Humanness in the Biology of Love*. London: Andrews, 252 p.
27. Knyazeva E.N. (2014) *Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v epistemologii* [Enactivism: A new form of constructivism in epistemology]. Moskva; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, 352 p.
28. Desperate Housewives. URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (accessed date: 25.11.2019).
29. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed date: 22.11.2019).
30. Fomina T.A. (2020) *Iks-femiya, ili o trudnastyakh razgranicheniya evfemii i disfemii* [X-phemisms, or on the difficulty in distinguishing between euphemisms and dysphemisms] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, No. 17 (1), in press.

Received 26 March 2020